

СОЛНЕЧНЫЙ ВЕТЕР

ТЕПЛЫЙ ВЕТЕР С МОРЯ И ИСКРЯЩИЙСЯ В ЗАКАТНЫХ ЛУЧАХ СОЛНЦА КАСПИЙ, ДРЕВНИЕ СТЕНЫ ИЧЕРИ ШЕХЕР И ТВОРЕНИЯ ГЕНИЕВ СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ, ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ МУЗЕИ И ВЕСЕЛАЯ НОЧНАЯ ЖИЗНЬ, МНОЖЕСТВО РЕСТОРАНОВ С ОТЛИЧНОЙ КУХНЕЙ И ГОСТЕПРИИМНЫЕ ЖИТЕЛИ — ЧТО ЕЩЕ НУЖНО, ЧТОБЫ ХОРОШО ПРОВЕСТИ НЕСКОЛЬКО ВЫХОДНЫХ ДНЕЙ?

Текст: МАКСИМ СЕМЕЛЯК
Фото: АЛЕКСАНДР ГРОНСКИЙ

Вообще, Анар, основной вопрос, который решают жители Баку, это вопрос территориально-идеологической самоидентификации: мы, собственно говоря, где — в Европе или в Азии? Тут все смешано, и Баку — еще одна попытка создать небольшой космополитический центр мира на Востоке, своего рода маленький Дубай. Генеральный директор одной из крупнейших российских туристических компаний «Натали Тур» Владимир Воробьев гуляет по Баку с Анаром Рахмановым, главой компании PASHA Travel. Вроде бы ничего особенного. Вечерняя прогулка двух деловых людей после удачных переговоров. Но на деле эти двое открывают новую страницу в истории путешествий. ►

Анар Рахманов и Владимир Воробьев

Крупнейшие туроператоры двух стран впервые официально договорились о сотрудничестве.

— Скажете тоже, Владимир. Это уж скорее Дубай — маленький Баку. В Дубае все искусственное, негде гулять, никакой истории — а тут я каждый день на работу на велосипеде езжу. Я вот не любитель музеев, я предпочитаю знакомиться с городом, гуляя по улицам... но у нас каждая улица как музей — или старого, или современного, если угодно, искусства...

Мы сидим на веранде отеля Sultan Inn и в предвечерней бакинской истоме

Ворота в Старый город

я подслушиваю беседу двух негодяев из туристической индустрии. Я в городе впервые, и их речи окутывают меня обрывками ненавязчивых познаний, словно аудиогид, вдруг запущенный с отдаленного минарета.

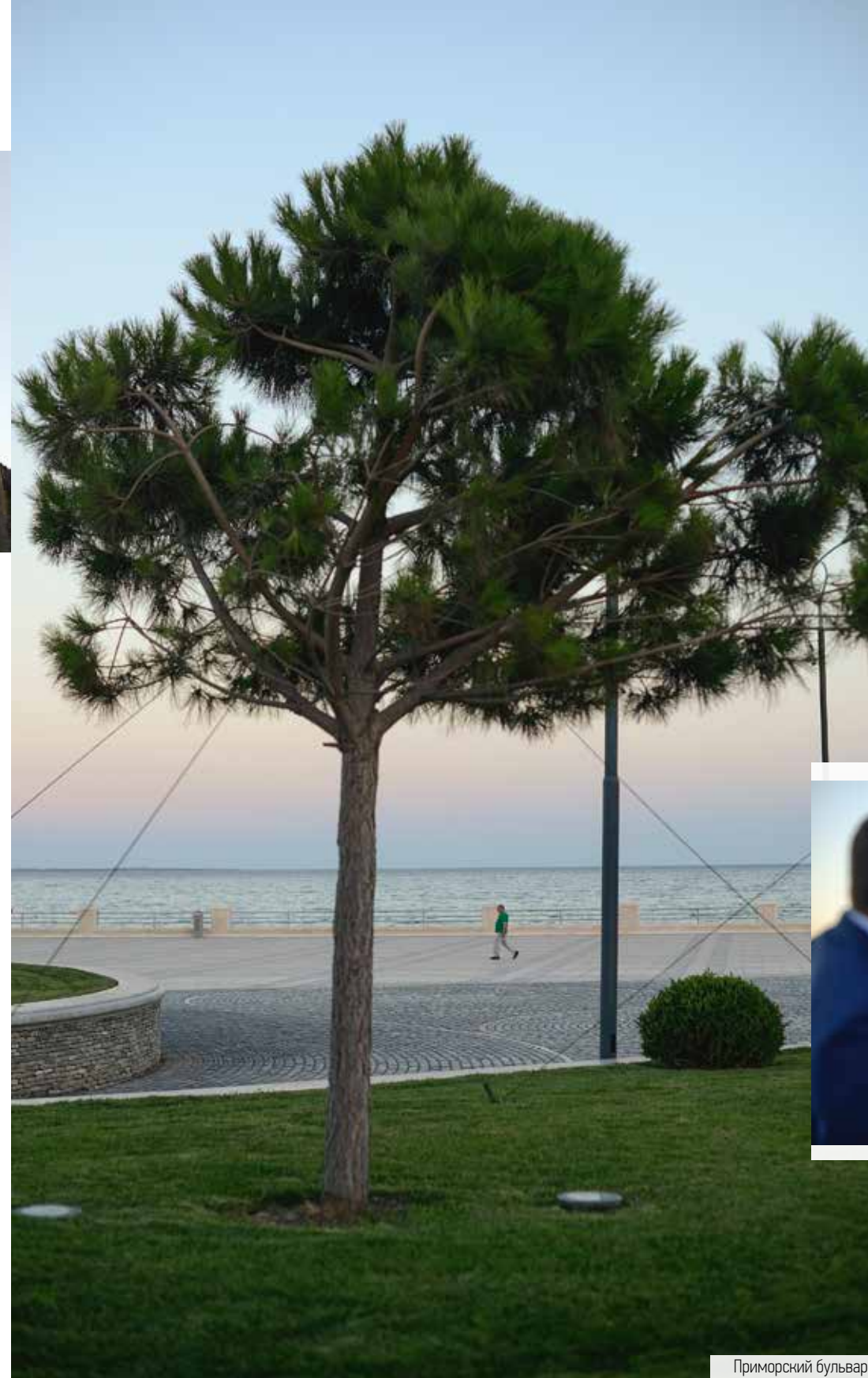
«... В жару здесь всегда выручает ветер. Никогда не бывает так, что погода просто стоит, всегда легкий бриз, особенно по вечерам.

... Публика очень изменилась: десять лет назад местные выглядели совершенно по-иному. Да и туристы изменились — сейчас в основном ездят из Дубая, Ирана, России, Казахстана. Еще из Германии — в основном те, кому за 60.

... С момента распада СССР и до последнего времени Баку ассоциировался либо ни с чем, либо с войной — которая тут абсолютно не видна. Понятно, зачем ездили в Прибалтику или Грузию, но Баку в сознании советского человека был связан разве что с кинематографической натурой.

... А для меня переломный момент — это «Евровидение». Именно после него нас стали больше узнавать в Европе. Тогда и начался реальный бум, строительство отелей, международных центров. Мы хотим развивать событийный туризм: конференции, фестивали, та же Formula 1. Сейчас, например, намечается огромный конгресс гастроэнтерологов».

Я думаю, что конгресс гастроэнтерологов в этих краях определенно неплохая идея — учитывая структурные особенности, а также количественные характеристики местной еды. Впрочем, сводить всю местную кухню к бараньим похлебкам и напоенным жиром кебабам было бы заблуждением. Даже самый строгий из гостей намечающегося конгресса, думаю, простил бы мне и плов фисинджан с курицей в гранатовом соусе, и восхи-

Приморский бульвар

ительные протертые баклажаны с яйцом, помидорами и сливами, и кутабы с тыквой.

Продолжая тему событийного туризма, Анар Рахманов рассказывает: «Свадьба здесь — это взрыв, фонтан, можно возить туристов просто посмотреть на нее, как в Индии, все равно гостей так много, что никто не поймет, родственник вы или турист. Вообще, будь у меня три вечера в Баку, я бы проводил дни на море, а по ночам — в три разных клуба, один лучше другого, очень много разного яркого народа, и веселье до пяти утра в обязательном порядке. Масса ресторанов в центре Баку работает до утра. Они так и называются — afterparty places, азербайджанцы их гордо называют по-английски. У нас есть традиция: приходишь под утро, тебе подают на завтрак яичницу с помидорами, и только после нее отправляешься домой спать. А зимой — хаш. Вообще, к еде тут особое отношение. Мы можем проехать 300 километров до Шеки только для того, чтобы

съесть питу, потому что только там его делают правильно. То же самое шекинская пахлава: ее, разумеется, полно в магазинах в Баку, но мы не покупаем — не то».

***

Мы завершаем ужин и спускаемся вниз в Старый город — мимо Музея миниатюрной книги, мимо катапульты, между деревьев, раскрашенных под женские вакхические портреты, мимо рыночных развалов (если что отсюда увозить, так это серебро и четки), мимо места, где Шпигель с Каневским гипсовали Никулина в «Бриллиантовой руке», — улица пользуется такой же тихой, обделенной памятниками славой, как и парижская рю Кампань-Премьер, по которой бежал Бельмондо в фильме «На послед-

**БАКУ ЗАВИСАЕТ МЕЖДУ
ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ, И В ЭТОЙ
СМУТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ
ОТ ЧЕГО-ТО ПРЕДСТОЯЩЕГО
РАСКРЫВАЕТСЯ
НЕСПЕШИНАЯ СУТЬ ГОРОДА**

нем дыхании». В этих местах вообще любили снимать потерявшихся людей: так, несчастный герой Калягина блуждает тут в позабытом перестроечном фильме «Другая жизнь».

Между тем никакого угрожающего лабиринта в Ичери шехер не наблюдается – в иных европейских средневековых городах сплетение улиц куда более загадочно. Баку вообще вполне открыт взору, пониманию и домыслу. Я поднимаюсь к крепостной стене и вижу красивого однополого человека, который сидит в коляске и неторопливо, с наслаждением курит. Луч вечернего солнца гладит его по лицу; я пытаюсь мысленно его пожалеть, но не получается, потому что от него исходит уверенное охранное спокойствие: это не страшно, в случае чего можно и так, особенно в такой вечер.

Спокойствие и согласие – пожалуй, в первый приезд это чувствуется в Баку живее всего. Здесь быстро осваиваешься, этот город почему-то навеивает мысли о работе – и хочется жить не в гостинице, а сразу в съемной квартире с огромным балконом. Балконы в Баку решительно выдающиеся: просторные, для посиделок, люди сидят там вдвоем, троим. Иногда по привычке кажет-

Вид на Огненные башни

КОГДА ОПУСКАЕТСЯ ТЬМА И ВЕТЕР УСИЛИВАЕТСЯ, ФЛАГ СТАНОВИТСЯ ПОХОЖ НА РАЗНОЦВЕТНОЕ МОРЕ, РАЗЛИТОЕ В НЕБЕ

ся, что они играют в нарды, хотя на деле они склонились над ноутбуками.

Накануне днем я сидел в каком-то широкополосном пивном ресторане, где было сразу несколько меню (раздел супов назывался «Жидкие блюда»), и бродячие коты запрыгивали мне на колени и не слезали до тех пор, пока я не скормил им все мясо из плова. Вокруг растелился парк с каштанами и пальмами, фонтан начинал бить каждые полчаса, а за соседним столом спорили про Советский Союз. Здесь много русского языка во всех проявлениях. Когда я в очередной раз пытаюсь перейти огромный проспект, меня медленно объезжает машина, из колонок которой доносится обидчивый русский рэп: «Ты меня еще вспомнишь!»

***

Баку, очевидно, город при деньгах, но я не успел заметить в нем кричащего уличного богатства (о каком-либо превосходстве кричали разве что русские рэперы в записи), оно тут вполне объектаемое, как крыша Центра Гейдара Алиева. Блуждая по центру города, невольно вспоминаешь когда-то популярное в Москве словечко «бакинский», отслужившее свое в качестве синонима нефтедоллара. На дорогах не встретишь «бентли» и им подобных. Как ни странно, тут практически отсутствует громкая глянцева пресса – нет ключевых журнальных франшиз для услуды рекламодателей, ни местного Vogue, ни мужских журналов. Хотя услудать проверенными советами по самолюбованию, очевидно, есть кого: на улицах много красивых женщин, владеющих мастерством чинной и одновременно деловитой походки, а еще больше мужчин, бездельничающих среди бела дня с самым невозмутимым видом.

Типы приморской праздности, существующие на свете, можно, с известным допущением, свести к двум дисклеймерам обреченности, которые, как пузырь из комикса, хорошо смотрелись бы над головами того или иного лентяя. «Все уже украдено до нас» – сугубо восточный тип лени. «Все уже сделано до нас» – более благодарный европейский подход, характерный, например, для Италии (так Энди Уорхол указывал на особенность римских сибаритов в городе, где все давным-давно построено). Мне почудилось, что в основе бакинской лени лежит третий принцип – «Все еще случится после нас». Анар говорит: «Если хочешь открыть в Баку ресторан, главное – озаботиться парковкой. Бакинцы не любят лишних неудобств, и если до ресторана надо будет долго идти пешком, они скорее подождут открытия другого».

Баку, пожалуй, единственный город в мире, где к морю не хочется бежать немедленно. Можно, конечно, списать это на всепроникающую лень, но дело не только в ней. Я остановился в гостинице напротив бульвара, это метров двести от воды, и в какой-то момент решительно отчаялся, пытаюсь перейти дорогу: проспекты слишком широкие, движение слишком оживленное, подземные переходы (просторные, с эскалаторами, такая же местная институция, как и балконы) слишком замаскированы. Но добравшись наконец до набережной, я понял, что она больше напоминает границу, а не линию гори-

зонта. В отличие от других прибрежных городов, от Канн до Бейрута, море в Баку имеет вспомогательный и подчеркнуто промысловый вид. Им не любуются (наоборот, это из моря хорошо, должно быть, любоваться городом). Разумеется, в черте города есть пляжи, но идеологически море выполняет функцию скорее промзоны, которая работает круглосуточно и выплескивается на сушу в виде всех этих широких проспектов, парков, ресторанов и гостиниц. Баку – бабочка, порожденная каспийской гусеницей.

Ближе к ночи я понял простую вещь: пейзажную и медитативную функцию моря в Баку выполняет флаг. Я вообще-то никогда не замечал за собой повышенного интереса к вексиллологии до тех пор, пока не увидел бакинское знамя. Испанское трехцветное полотно из неведомой ткани звучно расстилается в небе так, что смотреть на него в какой-то момент становится интереснее, чем на небо. Тут дело, разумеется, не в гигантомании и не в делах чужой государственной важности – просто флаг кажется живой, бесконтрольной и постоянно меняющейся субстанцией. Его изгибы слегка напоминают здешнюю архитектуру руки покойной Захи Хадид, только вознесшущая (как, будем надеяться, и сама ваятельница). Когда на город опускается тьма и ветер, как было предсказано моими попутчиками, усиливается, флаг становится похож на разноцветное море, разлитое в небе. В старых бакинских стихах Владимира Луговского было сказано:

«Бьет, говорит полночный барабан, о чем? О том, что этот старый город превыше славы и сильнее горя, что, как ларец волибный, он закрыт для каждого незнающего глаза. Что в нем скопилось столько воли лодских – дотронься, и они тебя раздавят... не город – музыка на нотах ветра.»

***

Просторечный глагол «зависнуть» по отношению к этому городу вдруг приобретает неожиданную небесную рифму. Здесь все имеет затяжной характер. Флаг зависает над городом, исполняя музыку на нотах ветра. Постоялец зависает в ресторане над саджем, обдуваемый потоками кондиционированного воздуха. Баку зависает между Азией и Европой, и в этой смутной, как колыхание флага, зависимости от чего-то предстоящего раскрывается неспешная суть города. ❖

